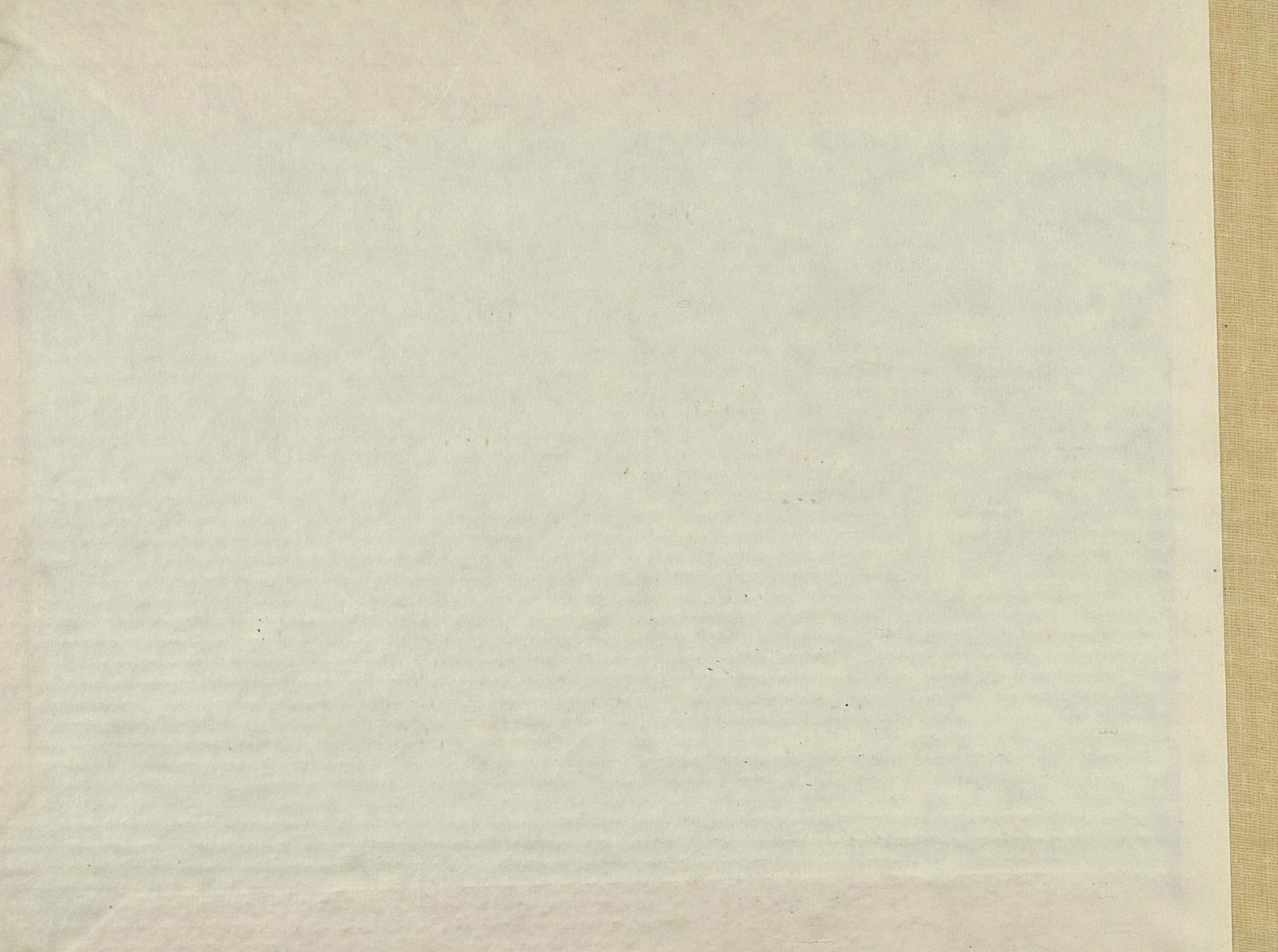

XVI $\frac{69}{14}$

1906

v 7-12

СТРОПИНКА

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ.

№ 7
1 АПРѢЛЯ

XVI $\frac{69}{14}$

1906 годъ.

Апрѣль № 7.

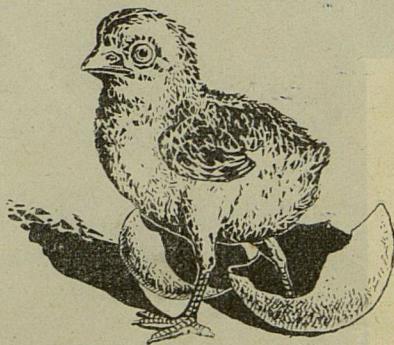
ЖУРНАЛЬ

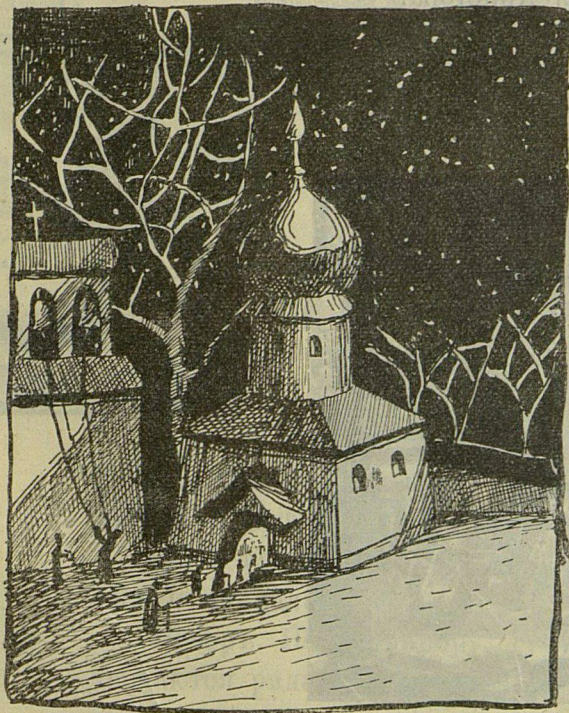
ТРОПИИКА.

Содержаніе.

1. Пасха — стихотвореніе *Сергья Городецкаго*. Съ рисункомъ автора и картиной *Милорадовича* Наканунѣ пасхи.
2. Пасха — рассказъ *Н. Манасиной*. Съ 2 рисунками *С. Городецкаго*.
3. Лучишка въ темничкѣ — сказочка *Федора Сологуба*. Съ 2 рисунками *Allegro*.
4. Голуби — стихотвореніе *Сергья Соловьева*.
5. Слезы радости — сказаніе. *Н. Санжаръ*.
6. Свѣтикъ — сказка *Allegro*. Съ 4 рисунками.
7. Ежикъ или удивительная игра въ кегли — пять смѣшныхъ картинокъ со стихами *Амъ*.
8. Ребусъ и загадка буквъ въ рисункѣ.
9. Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ въ 6-мъ №.

Пасха.

ОТЛЕТЪЛИ ночныя метели,
Отошли бѣлоснѣжныя вьюги,
Бубенцы по дорогамъ запѣли,
Расписныя забѣгали дуги.

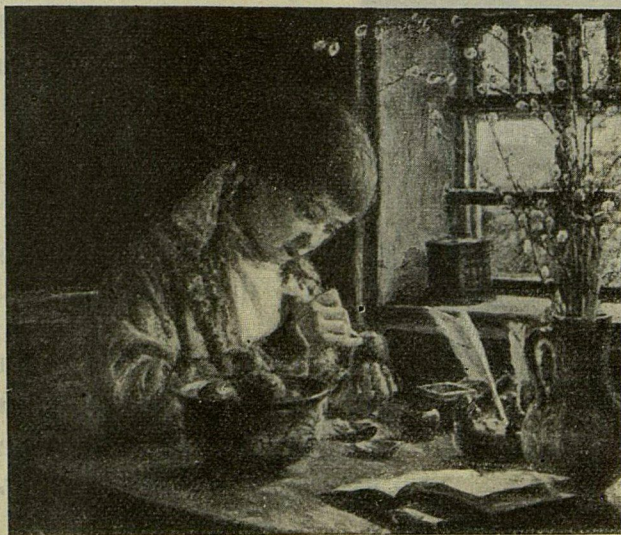
Засмѣялась весна голубая
И застывшую землю цѣлуетъ.
Растопясь, пелена снѣговая
По пригоркамъ водою бушуетъ.

Копятъ силу, весеннюю силу,
Разбухаютъ смѣлистыя почки,
И готовятъ для зеренъ могилу
Черноземныя, твердыя кочки.

Праздникъ, праздникъ! Воскресла природа,
И поетъ свое вѣщее слово
Голубиное сердце народа:
— Это свѣтъ Воскресенья Христова!

Сергій Городецкій.

Пасха.

БАБУШКЪ моей далеко за шестьдесятъ, но она все еще служить и живетъ въ большомъ казенномъ зданіи, гдѣ въ самомъ концѣ безконечнаго корридора помѣщается ея узкая, точно щель въ стѣнѣ, комната.

Обыкновенно я рѣдко навѣщаю бабушку. Отъ меня она живетъ далеко, а мнѣ все некогда.

Но вотъ на Страстной недѣлѣ, передъ самымъ праздникомъ, собралась и поѣхала.

Вечеръ. По корридору, тускло освѣщенному висячими лампами, двигаются рядами мнѣ навстрѣчу, заграждая дорогу, дѣвочки въ зеленыхъ платкахъ на плечахъ. Онѣ двигаются молча, слышенъ только звукъ шаговъ по каменному полу. Поравнявшись со мной, онѣ разомъ присѣдаютъ.

Я кланяюсь и смотрю на странных, расходящихся книзу, точно картонных, фигурки съ гладко зачесанными волосами. Все головы, какъ одна, поворачиваются въ мою сторону. Слышится шопоть, смѣхъ, суровый окликъ прямой и сухой женщины въ синемъ, и ряды, уже молча, проходятъ мимо.

— Можно?—стучу я, остановившись у одной изъ дверей въ корридорѣ.

Дверей такое множество и все онѣ, какъ одна. Всегда боюсь ошибиться. Не получая отвѣта, вхожу. Рада, что не обозналась, какъ это часто со мной бываетъ. Въ глубинѣ комнаты, въ углу дивана, я различаю знакомую сѣдую голову, склоненную надъ счетами.

— Здравствуйте, бабушка,—говорю я.

— Да это ты, Вѣрочка!—сразу отзывается моя зоркая, несмотря на годы, бабушка.—Ну, вотъ и отлично, вспомнила старуху. Садись, садись. Шляпку снимай, перчатки. Чай будемъ пить.

И бабушка звонитъ дѣвушку. Я смотрю на нее, такую широкую и грузную, въ свободномъ бумазейномъ капотѣ, и удивляюсь быстротѣ ея движеній. Вообще, я часто удивляюсь бабушкѣ.

Познакомилась я съ ней очень недавно; всего два года тому назадъ, когда она явилась къ намъ, какъ снѣгъ на голову.

Мы знали, что въ одномъ изъ приволжскихъ городовъ живетъ у насъ бабушка, двоюродная сестра нашей родной бабушки, получали отъ нея письма къ праздникамъ, я заставляла дѣтей писать ей открытки, сама приписывала нѣсколько словъ, и только. Бабушки мы

въ глаза не видали. И вдругъ неожиданно, въ одно хмурое осеннее утро, въ нашей квартирѣ очутилась и бабушка и какіе-то кулечки, узелочки, мѣшочки, и худенькій, растерянный мальчикъ.

— Внучекъ мой, Алешенька, сирота круглая,—отрекомендовала мальчика бабушка.—Въ корпусъ онъ здѣшній на казенную вакансію попалъ. Ну, а вотъ это,—бабушка указала на кладь,—все мое имѣніе. Такого одного,—бабушка опять указала на мальчика,—развѣ куда пустишь? Такъ вотъ, я мѣсто въ пріютѣ бросила, уложились, ну, а заодно ужъ и экзамень сдала... У васъ, говорятъ, безъ бумаги здѣсь шагу ступить нельзя!..

Я, помню, тогда сразу ничего разобрать не могла. Особенно поразили меня экзамень.

Бабушка объяснила.

— Экзамень, какъ экзамень. И сколько смѣха съ этимъ экзаменомъ было. Толста я, въ парту не пролѣзаю, всѣ экзаменаторы мнѣ чуть-что не во внуки годятся. Ну, а ничего, сошло. Выдержала и аттестатъ получила.

Спросила я бабушку, зачѣмъ ей аттестатъ понадобился.

Тутъ уже бабушка удивилась.

— А кто же мнѣ мѣсто въ Питерѣ безъ аттестата дастъ? Да, ты, мать моя, можетъ быть подумала, что я со всѣмъ этимъ скарбомъ къ тебѣ жить пріѣхала? Ну, нѣтъ. Это такъ, пока до дѣла ужъ пріюти, спасибо скажу, а я еще силы имѣю работать.

Бабушка принялась хлопотать и получила мѣсто.

Все это вспоминается мнѣ, пока бабушка хлопочетъ о чаѣ и отдастъ суетливыя распоряженія горничной въ бѣлой пелеринкѣ и въ короткихъ рукавахъ. Потомъ, въ ожиданіи чая, мы усаживаемся поуютнѣе: она въ уголкѣ на диванѣ, я напротивъ въ креслѣ.

— Какъ поживаете, бабушка, здоровье ваше какъ?—спрашиваю я, вглядываясь въ усталое лицо съ опущенными углами рта и красноватыми вѣками.

— Ничего, спасибо, Вѣрочка. Ничего, не жалуясь. Вотъ только ноги мои какъ будто ходить не хотятъ, руки тоже плохо слушаются, да и глаза далеко-то какъ будто видятъ, а близко не смотрятъ. Ну, а такъ все ничего. И то вѣдь сказать: къ празднику работы столько было, что двухъ молодыхъ загонять можно. Фартучки, все эти косыночки, кружевца, все это прими, все размотри. Въ одной партіи портниха на двѣ складочки въ каждомъ фартукѣ обчиталась, а я чуть было не просмотрѣла

— Не бѣда, если бы и просмотрѣли. Двѣ лишнихъ складочки, а ихъ больше двадцати, никто и не замѣтитъ, —говорю я голосомъ, подчеркивающимъ мое легкомысленное отношеніе ко всѣмъ этимъ складочкамъ.

— Это ты не замѣтишь, а тотъ, кому надо замѣтить, сразу увидитъ,—внушительно останавливаетъ меня бабушка.—Одна складочка лишняя, одной не хватаетъ, такъ далеко зайдешь. Здѣсь нужно, чтобы все у всѣхъ ровное было.

— А зачѣмъ это?

Знаю отлично, что не нужно этого спрашивать, а удержаться не могу.

Бабушка бросаетъ на меня уже негодующій взглядъ, но сейчасъ же, точно что-то вспомнивъ, добродушно смѣется.

— И спорить съ тобой не стану, спорщица ты извѣстная, вотъ что,—говорить она.— Ужъ мы эти наши порядки оставимъ. Лучше про себя Расскажи. Захлопоталась ты, небось, передъ праздникомъ? Вѣдь хозяйство у тебя не маленькое, цѣлый домъ на рукахъ.

— Я, бабушка, хозяйка плохая, а вотъ съ дѣтьми, правда, хлопотъ много. Воспользовалась я предпраздничной уборкой и младшихъ въ столовую перевела.

— Какъ же это?— на лицѣ бабушки выражается недоумѣніе.— А, столовая гдѣ?

— А столовую я въ дѣтской сдѣлала. Хочется, чтобы дѣтямъ больше мѣста и воздуха было.

— А когда гости, что будешь дѣлать?

— Да ничего. Умѣстятся какъ-нибудь. Гости придутъ и уйдутъ, а дѣтямъ жить надо.

Бабушка недовольна. Я вижу это по всему ея лицу, а главное, по ея поджатымъ губамъ.

— Ты бы дѣтей, Вѣрочка, почаще на улицу или въ садъ выпускала. Пускай бы себѣ бѣгали. Вотъ насъ у моей маменьки дѣтей двѣнадцать человѣкъ было, а ей, право же, какъ я посмотрю, легче,

чѣмъ тебѣ жилось. Никому и въ голову не приходило дѣтямъ лучшія комнаты отдавать. Помню, у насъ комната не больше моей тепѣрешней была, а мы тамъ, младшія, втроемъ помѣщались. Всякъ сверчокъ свою печку зналъ. И комната, и столъ, все это дѣтямъ было свое, особое, разъ заведенное. Ты вотъ своихъ, чѣмъ накормить не знаешь, все придумываешь, а дѣти въ наше время все по дѣтскому положенію получали и ничего, здоровы были.

— Какое же это дѣтское положеніе?—спрашиваю я, желая вызвать бабушку на какой-нибудь разговоръ изъ прошлаго. Это куда интереснѣе слушать, чѣмъ ея наставленія.

— А такое, что, на примѣръ, намъ дѣтямъ снятое молоко полагалось.

— Какъ снятое? А цѣльное куда же шло?

— Ну, а цѣльное для другого шло. Сливки съ него брали, взрослымъ подавали. А въ постъ и снятого молока не давали. Постъ, такъ постъ, и для всѣхъ одинаковый, по положенію.

— Неужели такъ цѣлый постъ дѣти и постились? Все рыбное и безъ мяса?

— Ну, рыбное это въ праздники дѣтямъ давали, а такъ на недѣлѣ горохъ варили, картошку давали, кашу съ постнымъ масломъ, еще рѣдьку съ квасомъ, и ничего, всѣ здоровы были и здоровыми выходили. Да пища и комната, говорю тебѣ, пустяки, ты дѣтей почаще на воздухъ выпускай. Насъ вотъ, помню, какъ разъ въ эту пору домой загнать не могли. А пора-то какая была! Вспомнить радостно.

Выйдешь это на крыльцо и глаза разбѣгаются, куда идти не знаешь, вездѣ хорошо. Голуби кругомъ стонутъ, изъ скворешни чей-то круглый любопытный глазъ выглядываетъ. Стоишь, отъ солнца жмуришься и вздрогнешь вся, когда въ жолобѣ вдругъ затрещитъ. Это ледяные куски запоздавшіе внизъ сорвались. Голуби вмѣстѣ съ тобой испугаются, въ сторону шарахнутся, а потомъ опять сейчасъ же на крышу усядутся и на солнышкѣ грѣются. Грѣмся и мы на крылечкѣ, солнышку щеки подставляемъ. Снѣгу на дворѣ почти нѣтъ, послѣдній въ тѣневомъ углу дотаиваетъ. Съ крышъ капаетъ, въ каждой капелькѣ солнце играетъ, струйки по жолобамъ звенятъ, ручейки бѣгутъ, торопятся, за собой зовутъ. Вотъ эти ручейки, вода эта меня просто съ ума сводила, да не меня одну, всѣхъ дѣтей. Выбѣжимъ мы это изъ дома, часто братья безъ шапокъ, мы безъ калошъ и прямо черезъ дворъ въ лѣсъ. Лѣсъ-то у насъ возлѣ самага дома былъ. Тамъ снѣгу еще порядочно оставалось, а ручейковъ и того больше, бѣгутъ, журчатъ, пѣнятся. Разбѣжимся мы по лѣсу, ручейки раскапываемъ, новые прокладываемъ, веснѣ помогаемъ...

— А рѣка у васъ, бабушка, была?— спрашиваю я.

— Рѣки не было, былъ ручей безъ названія. Лѣтомъ онъ тесемочкой вился, ну а весной такъ разливался, что на себя непохожимъ дѣлался. Помню, мы весной все ему разныя названія выдумывали, а пока думаемъ, онъ такимъ сдѣлается, что опять безъ названія остается. Такъ вотъ у этого ручья мы часами пропадали. Выберемъ, гдѣ мѣсто поуже и мостъ изъ жердей строимъ и по этому мосту взадъ и впе-

редь переходимъ. Жерди подъ ногой качаются, а подъ жердями-то пѣна. Кругомъ деревья черныя вѣтки къ голубому небу тянутъ, а сердце веселымъ страхомъ дрожить... Иногда мы и мостика не строили. Башмаки, сапоги, чулки прочь и прямо по водѣ на ту сторону. Пригорокъ тамъ такой былъ, на немъ раньше всего подснежники расцвѣтали. Какъ увидимъ синенькій цвѣточекъ, ужъ не до того намъ, чтобы мостика дожидаться. Наберемъ подснежниковъ и назадъ. Обуемся и домой съ цвѣтами, а дома все удивляются, откуда это мы цвѣтовъ достали.—

Мнѣ жаль становится моихъ дѣтей, жаль, что они не собираютъ подснежниковъ, не раскапываютъ ручейковъ, не строятъ мостиковъ, такъ жаль, что я стараюсь хоть чѣмъ-нибудь утѣшить себя и задаю вопросъ:

— А часто вы простужались отъ все́хъ этихъ походовъ, бабушка?

— Что ты, милая! Хворать мы, конечно, хворали, а только не отъ этого. Теперь больше хвораютъ, потому что, правду говоря, и выйти ребенку некуда. Въ камнѣ сидитъ, на камень глядитъ. Мнѣ, старухѣ, и то подъ часъ непереносно. Стѣны высокія, дворы крохотныя, захочешь на небо взглянуть, голову такъ закинуть нужно, что шапка валится. Вотъ потому вы о комнатахъ и хлопчете. А намъ при нашей бѣготнѣ всякая комната хороша была. Да передъ праздникомъ на Страстной мы въ дѣтскую только спать приходили. Намъ, дѣтямъ, въ другихъ комнатахъ работа была.

— Какая же работа?

— А мы миндаль, изюмъ, коринку перебирали да чистили. Пристроимся у какого-нибудь окошечка и чистимъ. Въ окошечко солнце заглядываетъ, а мы, какъ птицы, безъ умолку наперерывъ трещимъ, куда идти, когда работу кончимъ, сговариваемся.—

Мы давно сидимъ съ бабушкой за самоваромъ, и она, увлеченная воспоминаніями, не забываетъ угощать меня вареньемъ, сухарями и леденцами.

Все это бабушка держитъ про запасъ въ ящикѣ комода и, когда вынимаетъ, всегда говорить:

— По старой привычкѣ это я, милая, люблю, чтобы все дома было. Терпѣть не могу на спѣхъ въ лавочку посылать. У насъ въ старину отъ ярмарки до ярмарки все держалось, хозяйкамъ обо всемъ подумать нужно было, всёмъ заpastись. Вотъ хоть бы яйца красить. Теперь краски готовые покупаютъ и конецъ, а тогда мы сами краски заготовляли. Шелковыхъ пестрыхъ тряпочекъ наберемъ, перьевъ луковыхъ, синей бумаги сахарной, сандалу наваримъ и красимъ. Сестрица старшая мастерица рисовать была и крашеня яйца разрисовывала.

— А что рисовала тетушка на яйцахъ?

— Цвѣточки рисовала, барашковъ, а больше ангеловъ, Воскресеніе или просто Христось Воскресе выводила. Эти разрисованныя яйца въ большемъ почетѣ были. Ну а намъ, дѣтямъ, муравьи не хуже сестрицы яйца разрисовывали.

— Муравьи?—удивленно спрашиваю я.

— Да, муравьи. Въ эту пору муравьиныя кучи изъ подъ снѣга выходили. Отыщемъ мы такую кучу и яйцо на нее положимъ. Муравьи исполошатся, по яйцу забѣгаютъ, и такіе узоры ножками рисуютъ, что сестрицѣмъ подчасъ завидно станеть.

— А много вы яицъ красили?

— Сотнями, милая, сотнями. Надо было такъ заготовить, чтобы со всѣми похристосоваться. А христосовались—съ домашними, со служащими, съ дворней, съ крестьянами, съ гостями. Сами куда ѣхали, тоже яйца съ собой брали. Безъ яйца шагу ступить нельзя было. Также и для кона немало яицъ полагалось.

— А конь это что?

— А это яйца катали. Ихъ вездѣ въ праздникъ катали, и въ домѣ, и во дворѣ, и у качелей, и въ деревнѣ по улицѣ.

— Да и у насъ катаютъ,—встала я.—Мои вотъ давно на вербѣ красный лотокъ купили.

— А съ прошлаго года лотокъ гдѣ? Точно я его у васъ видала?—спросила бабушка.

— Ужъ не знаю, гдѣ.

— Да вотъ теперь у васъ все такъ. Купили, бросили, опять купили. У насъ по другому было. Вещи-то изъ года въ годъ хранились. Ну, лотковъ, положимъ, тогда еще не было, а такъ дѣлали: разрубятъ длинное полѣно пополамъ, съ половинки кору цѣликомъ снимутъ вотъ и желобокъ готовъ, чтобы яйца катать. Да и яйца катали тоже

по другому, — вдругъ почему-то даже разсердилась бабушка. — У тебя или у кого другого, не помню, видѣла я, какъ дѣти яйца катали. Яицъ похватали, кто сколько хотѣлъ, безъ счету всякаго, сразу эти яйца съ лотка спустили, все перебили, ничего и не вышло. Нѣтъ, у насъ все по порядку велось, и себѣ удовольствіе и другимъ, кто смотрѣлъ, пріятно было.

Я вспоминаю, что вся эта исторія съ яйцами именно у меня случилась. Помню даже, что дѣти разсорились и расплакались.. Кажется мнѣ, что и бабушка это отлично помнитъ, только изъ деликатности не говоритъ.

Но бабушка уже ушла отъ воспоминаній, связанныхъ съ моими дѣтьми; ей въ данную минуту дорого и мило то, что связано съ ея собственнымъ дѣтствомъ.

— Выкрасятъ въ Великій Четвергъ яйца, а въ Пятницу за куличи примутся. По всему дому печеньемъ, ванилью, кардамономъ запахнеть. Дѣвчонки по корридорамъ босыми ногами зашлепаютъ. Онѣ вродѣ гонцовъ были. Отъ маменьки въ кухню, изъ кухни опять къ маменькѣ, такъ и носились.

Весь домъ волновался, когда куличи пекли, если что не удавалось, такъ хозяйки слезами заплачутъ. Ну, а въ Субботу Великую уже все это кончалось. Тишина наступала. Во всѣхъ комнатахъ лампадки теплились, по чисто вымытымъ некрашеннымъ поламъ новые половики стлали. И все праздника Великаго ждали, къ заутренѣ готовились.

— И васъ тоже маленькихъ къ заутренѣ брали? — спрашиваю я.

Бабушка подумала.

— Нѣтъ, насъ не брали. Вѣдь мы отъ города въ трехъ верстахъ жили. Въ церковь только старшіе ѣздили. Мы смотрѣли, какъ сестрицы, тѣ, что дѣвцами были, наряжались. Дѣвушки горничныя суетятся, бѣгаютъ. Гувернантка наша, та, что къ маленькимъ была приставлена, сестрицамъ оборочки расправляетъ, кушаки завязываетъ. На счетъ ученья она слабовата была, ну а по туалетной части искусница, за то и держали. Сестрицъ наряжаютъ, а мы изъ уголочковъ любуемся, думаемъ про себя, что и насъ когда - нибудь такъ же наряжать будутъ...

— И не просились вы, чтобы васъ въ церковь взяли?

— Что ты, милая, — почти съ укоризной произнесла бабушка. — Тогда у насъ каждый свое время зналъ. Одѣнутся сестры и дожидаются батюшку съ матушкой. Какъ выйдутъ тѣ, а онѣ уже шарфы на головы накинута. Готовы, значить.

— Уѣдутъ, а васъ спать уложить? — спрашиваю я.

— Уговаривали спать, а мы не слушались. Все что-то пропуститъ боялись, по всему дому бѣгали, всѣмъ подъ ноги совались. А въ столовой своимъ порядкомъ столъ для розговѣнья накрывали. Свѣчка одна сальная горитъ, въ другихъ комнатахъ и совсѣмъ темно, по коридорамъ огарки зажгутъ. Вѣдь тогда керосина не было. Свѣчи домашняго приготовления жгли.

— Вотъ, должно быть, копотъ была?— вырвалось у меня.

— Да, вѣроятно, что не безъ того, а только вѣдь это у всѣхъ было, никто и не замѣчалъ, хорошо, свѣтло всѣмъ казалось.

— Вы, бабушка, остановились на томъ, какъ всѣ въ церковь уѣхали и васъ, дѣтей, дома оставили,—напоминаю я.

— Помню, помню, милая и то помню, какъ это всѣмъ не до насъ было, какъ мы всѣмъ мѣшали. Ну, вотъ, сначала мы бѣгомъ бѣгаемъ, потомъ потише, а тамъ чуть плетемся, а потомъ уже куда-нибудь на ходу приткнемся и заснемъ, кто на креслѣ, кто на диванѣ, а кто просто на полу въ уголкѣ. Крѣпко это мы разоспимся и вдругъ насъ изо всѣхъ силъ тормошить примутся. Это значитъ, наши изъ церкви ѣдутъ. Кое-какъ это насъ переодѣнуть, волосы приглажать, кому поспѣютъ, лицо сполоснуть, а кому не успѣютъ, такъ останется, и въ столовую выведутъ. А въ столовой уже все приготовлено къ разговѣнью. Столъ огромный, все на немъ домашнее, все свое и всего много, премного. И матушка, и батюшка, и сестры здѣсь, такія нарядныя, радостныя, праздничныя, и причтъ въ свѣтлыхъ ризахъ, и поютъ; пахнетъ ванилью, кардамономъ, ладономъ и еще чѣмъ-то хорошимъ, вкуснымъ. Стоишь это, шуришься еще сонными глазами отъ свѣта, по тѣлу холодная, сонная дрожь пробѣгаетъ, а въ душѣ радость такая, что и передать ее словами нельзя. Кажется, что не причтъ Христосъ Воскресе поетъ, а чей-то голосъ внутри, въ сердцѣ поетъ у тебя, и вторять ему ангелы невидимые.—

Бабушка замолчала и въ ея потухшихъ старческихъ глазахъ съ

усталыми вѣками отразился восторгъ далекаго дѣтства. Я тоже молчала; мнѣ было жаль прерывать ея думы. И только, когда бабушка потянулась къ чайнику, я спросила:

— Ну, а потомъ что было?

— А потомъ христосовались, яйца другъ другу дарили, потомъ разговлялись, какъ оно полагается. Сначала всего освѣщеннаго по кусочку маленькому, а потомъ всего, что на столѣ поставлено, уже по многу ѣли. Дѣтямъ тоже всего давали. Въ такой Великій Праздникъ уже это все общее было, и ѣли мы до тѣхъ поръ, пока одного за другимъ сонъ не бралъ. Тогда насъ въ дѣтскую уводили. А на утро, еще въ полуснѣ чувствуешь, что праздникъ.

— И въ дѣтской у васъ все по праздничному было?

— Ну, еще-бы. Дѣвчонка, къ намъ приставленная, новымъ ситцемъ такъ и шуршитъ, козловыми башмаками такъ и скрипитъ, и на всю комнату отъ ея волосъ пахнетъ масломъ. Весна въ окна заглядываетъ. До обѣда самага шло у насъ христосованье и съ домашними и съ тѣми, кто приходилъ христосовались, а послѣ обѣда ужъ на качели шли. Около нашего сада всегда качели ставили. Здѣсь праздничное гулянье было. Отъ качелей новымъ тесомъ пахнетъ, пахнетъ кубовой краской отъ бабъ, пахнетъ оттаявшей и не просохшей землей. А кругомъ народъ, свои и чужіе, кого знаешь и кого въ первый разъ видишь... Всѣ это вмѣстѣ и всѣ радуются, и люди, и птицы Божьи и лѣсъ, что ему скоро распускаться надо, и земля, что ей зеленѣть пора. А на небѣ солнышко играетъ, радуется, и радость эта отъ земли къ

небу такъ волнами и ходить, ходить волнами и тебя на волнахъ поднимаетъ...

Голосъ бабушки вдругъ оборвался. Она наклонила голову, и я вижу, какъ крупныя слезы одна за другой капаютъ на ея блузу. Бабушка торопливо вытираетъ глаза.

— Такъ вотъ, какъ домой вернешься, всякая комната тебѣ тѣсной покажется, потолокъ давить, стѣны тѣснить, на волю, къ солнцу, къ лѣсу, къ полямъ да къ людямъ душа просится. Ну, вотъ, не выдержишь и убѣжишь.

И бабушка, уже улыбаясь, широко развела руками.

— И убѣжишь, — повторяю я, чувствуя на глазахъ непрощенныя слезы. — И, знаете, это отлично бабушка, такъ и нужно. Нужно, чтобы всѣмъ людямъ захотѣлось убѣжать изъ своихъ щелей, въ которыхъ они живутъ, не видя, не зная, не любя другъ друга, на волю, на просторъ, туда, гдѣ поля, лѣсъ, и птицы, и звѣри. Тамъ, на просторѣ, подъ небомъ, на талой землѣ, надо громко крикнуть: Христосъ Воскресе, и тогда услышимъ мы настоящее: Воистину Воскресе.

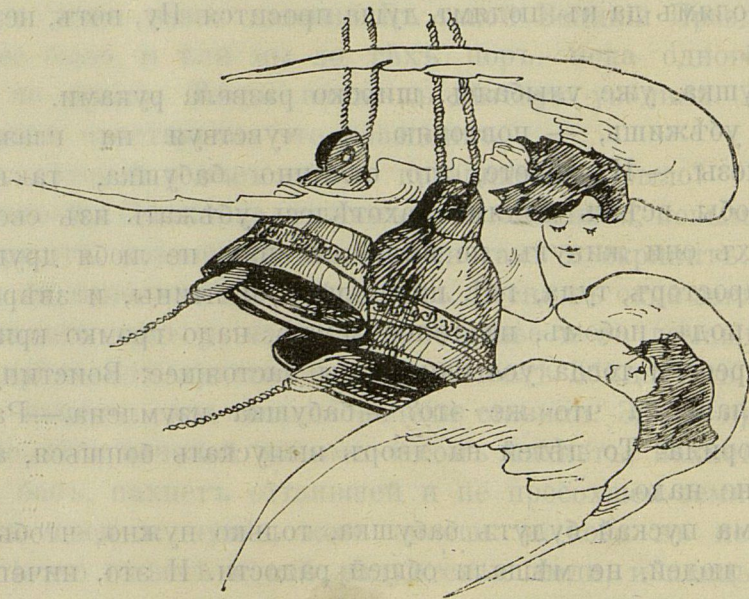
— Милая, да что же это? — бабушка изумлена. — Развѣ я тебѣ такое говорила? То дѣтей на дворъ выпускать боишься, а то вдругъ и домовъ не надо.

— Дома пускай будутъ бабушка, только нужно, чтобы стѣны не раздвѣляли людей, не мѣшали общей радости. И это, ничего, бабушка, что мы съ вами говоримъ разное, вѣдь хотимъ-то мы одного. Нужно, чтобы мы, новые люди, въ то хорошее, что было у васъ, вло-

жили свое, новое и тогда будетъ настоящая жизнь, настоящая Пасха!—

Когда я прощалась съ бабушкой, мнѣ казалось, что мы другъ друга поняли, стали по настоящему близкими и родными.

Н. Манаскина.

Лучишка въ темничкѣ.

Сказочка.

ПРИШЛИ лучи къ Солнцу, разбирають себѣ подорожныя. Одинъ лучъ и говорить:

— Я нынче во дворець пойду.

Другой говорить:

— Я по Невскому погуляю.

Третій говорить:

— А я по полямъ пройдуся.

Четвертый говорить:

— А я въ рѣчкѣ выкупаюсь.

Все хорошія мѣста разобрали и побѣжали было, да Солнце кричить:

— Стойте, братцы, вотъ еще есть мѣстечко, — темная темничка, гдѣ сидитъ бѣдный заключенный.

Все лучи заговорили жалобно:

— Въ темной темничкѣ сыро, въ темной темничкѣ грязно, въ темной темничкѣ скверно пахнетъ, — не хотимъ идти въ темную темничку.

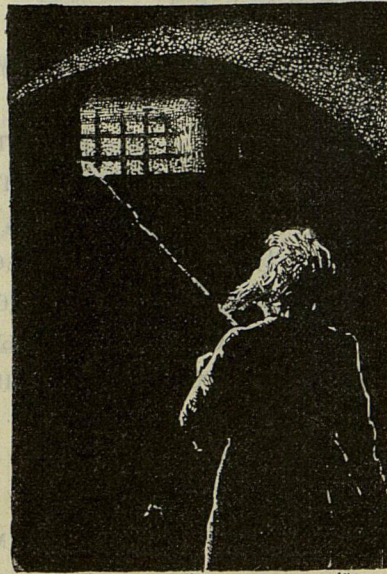

Поймалъ Солнце одного лучишка за волосенки, говорить:

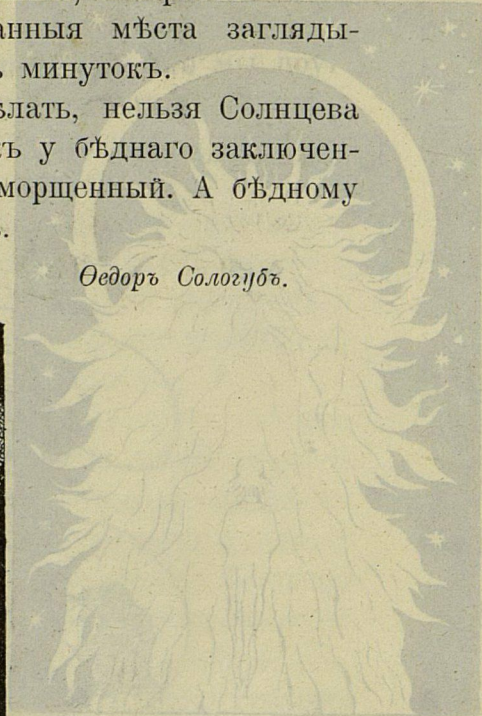
— Ты вчера шалилъ много, въ непоказанныя мѣста заглядывалъ,—побывай въ темной темничкѣ хоть пять минутокъ.

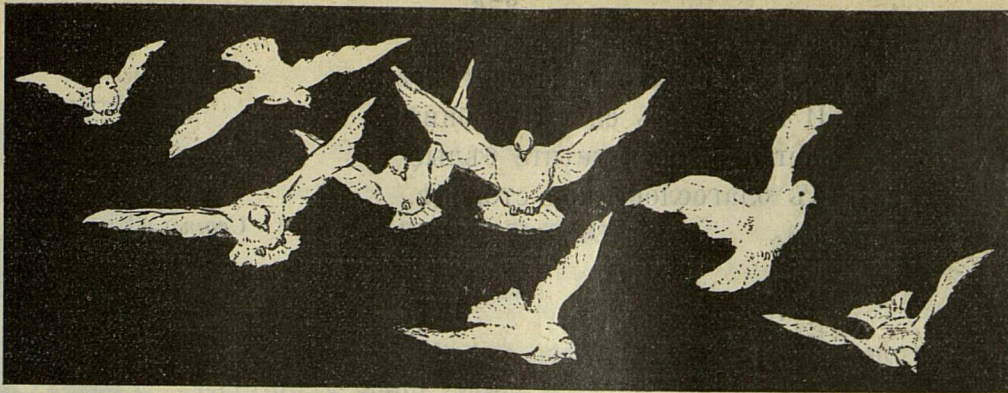
Заплакалъ бѣдный лучишка, да нечего дѣлать, нельзя Солнцева приказа не исполнить. Побылъ пять минутокъ у бѣднаго заключеннаго въ темной темничкѣ,—кислый, злой, сморщенный. А бѣдному заключенному и то было за великій праздникъ.

Федоръ Сологубъ.

Ашеръ.

Голуби.

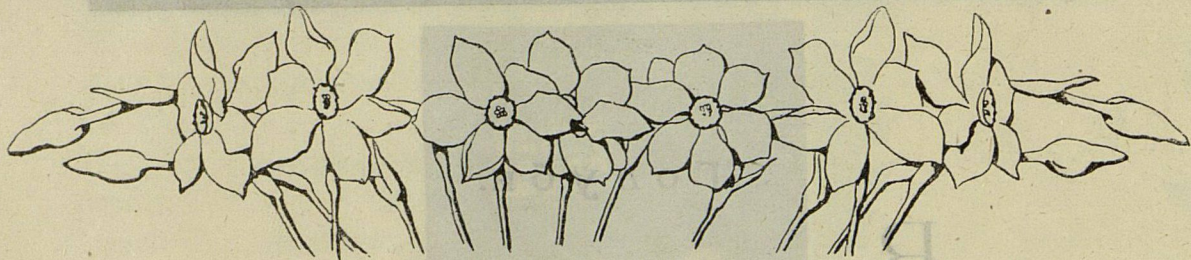
ВЕСНА, и снѣгъ растаялъ въ жолобѣ.

Синѣетъ небо. Вотъ взвились,
Летятъ серебряные голуби,
Пронзивъ улыбчивую высь.

Летите, бѣлые! Мгновеніе—
И въ небѣ вашъ растаетъ слѣдъ.
Вамъ, вамъ—мое благословеніе,
Мой грустный, ласковый привѣтъ!

О, если-бъ могъ оставить тѣло я
И кануть въ синей глубинѣ!..
Летите юные, летите бѣлые
Къ благословенной сторонѣ.

Сергій Соловьевъ.

Слезы радости.

(Сказаніе).

БЫЛО это давно. Въ тѣ времена, когда христіанство было гонимо. У царя одной могучей, языческой страны заблѣлъ единственный сынъ, любимый всеми царевичъ.

Были созваны все лекари, все мудрецы и ворожеи. Они осматривали и разспрашивали больного, всячески лечили его, но ничто не помогало, царевичъ съ каждымъ днемъ замѣтно угасалъ. Злой недугъ упорно

продолжалъ свою разрушительную работу и вскорѣ отъ красиваго, полного здоровья и силъ юноши, остался высохшій обтянутый желтой кожей скелетъ. Жизнь чуть теплилась въ измученномъ страданьемъ тѣлѣ и только иногда вспыхивала въ прекрасныхъ глазахъ царевича, казавшихся особенно большими на исхудавшемъ лицѣ.

Стонъ и рыданія носились по всемъ палатамъ царскимъ.

Измученный бессонными ночами и горемъ, царь какъ-то задремалъ и вотъ ему приснился сонъ: ему казалось, что онъ стоялъ у раскрытаго окна и вдругъ въ комнату влетѣлъ бѣлый голубь, сѣлъ на плечо къ нему и молвилъ: „Твой сынъ будетъ здоровъ, если вы омоете ему

лицо слезами радости. Не медлите, скорѣй ищите эти слезы“. Сказаль и упорхнулъ.

Проснулся царь, созвалъ своихъ придворныхъ, повѣдалъ имъ свой сонъ и мигомъ понеслись гонцы по всей странѣ искать врачующія слезы...

А время шло. О, Боже, сколько слезъ, въ какихъ расписныхъ и дорогихъ сосудахъ ежедневно приносили во дворецъ! Но это были мутныя, ѣдкія слезы безсильной злобы, страданій, горя и обидъ.

— Не можетъ быть,—говорилъ царь,—чтобы въ моей странѣ, могучей и прекрасной, не было счастья, не было чистыхъ радостныхъ слезъ,— не можетъ быть! Гонцы, вы проглядѣли. Я самъ пойду искать. Я буду искать день и ночь, не пропущу ни одного угла, и я найду, найду. Сынъ мой будетъ жить...

И царь пошелъ. Онъ хорошо искалъ, какъ можетъ искать только отецъ, дрожащій за жизнь единственнаго сына

А время шло. Лишь нѣсколько чистыхъ дѣтскихъ слезинокъ удалось царю достать, но ихъ было такъ мало.

— О, горе мнѣ!—ломаю руки плакалъ царь,—Мой сынъ погибнетъ! Не думаль я, что не найти мнѣ слезъ радости въ моей странѣ...

— О, горе намъ, царевичъ умираетъ! Намъ не спасти его,—вздыхаль народъ.

И вотъ тогда, когда жизнь, казалось, готова была покинуть тѣло царевича, въ покой больного, запыхавшись, вбѣжалъ юноша. Въ рукахъ, боясь расплескать, крѣпко держаль онъ полную чашу прекрасныхъ чистыхъ слезъ.

— Царевичъ будетъ жить! — воскликнулъ онъ радостно. — Вотъ слезы радости, берите, вотъ онѣ!

И только брызнули слезами въ лицо больного, какъ онъ сразу ожилъ, кровь свободно заструилась въ жилахъ, румянецъ оживилъ лицо, пересохшія сомкнутыя губы раскрылись улыбкой и съ нихъ слетѣлъ вздохъ облегченія.

Все ликовали: „Царевичъ ожилъ! Царевичъ сталъ здоровъ!“

— Скажи мнѣ, юноша, — спросилъ счастливый царь, — чѣмъ могу я отплатить тебѣ за жизнь единственнаго сына? И гдѣ досталъ ты слезы, которыхъ ни я, и никто другой въ моей странѣ не могъ найти?

— Я счастливъ тѣмъ, — сказалъ юноша, — что нашъ царевичъ ожилъ. Лучшей награды я не могу желать. А гдѣ досталъ я слезы? Объ этомъ я хочу сейчасъ повѣдать вамъ. Я ихъ досталъ у гонимыхъ нами, презрѣнныхъ христіанъ.

— Не можетъ быть! — въ одинъ голосъ вскричали придворные и царь. — Не можетъ быть!

— Да, это такъ! — отвѣтилъ юноша. — Я тоже, какъ и вы, искалъ слезъ радости и тоже не нашелъ. Въ эту ночь я брелъ домой печальный. Тихо было на улицахъ въ этотъ поздній часъ, все спали. И вотъ въ одномъ темномъ переулкѣ, на окраинѣ, замѣтилъ я вдругъ домъ, а въ немъ необыкновенный свѣтъ. Я подошелъ ближе. На встрѣчу мнѣ несло торжественное пѣніе; такого я не слыхалъ никогда въ жизни. Я былъ пораженъ, и самъ не знаю какъ случилось, что я вошелъ въ тотъ домъ. Тамъ были христіане. Тамъ были тѣ, кого мы презираемъ,

преслѣдуемъ и предаемъ смерти. Но, мой великій царь, они были совсѣмъ другіе... Всѣ въ праздничныхъ одеждахъ, кругомъ огни... Лица ихъ сіяли радостью. Они пѣли: „Христосъ воскресъ! Онъ живъ и будетъ жить, какъ Правда, за которую Его распяли! Онъ будетъ жить, какъ вѣра искреннихъ, простыхъ сердець! Христосъ Воскресъ! Онъ будетъ жить вѣчно, какъ царь, какъ мученикъ, какъ Богъ!“

— Всего не помню, да и не въ силахъ былъ бы описать ихъ радость, помню только, что по ихъ измученнымъ лицамъ, но въ радости прекраснымъ, катились чистыя капли, тѣ капли, что ни ты, о, царь, ни я, никто не могъ найти.

Я крикнулъ имъ:

— О, дайте, дайте мнѣ скорѣе ваши слезы!

Они отвѣтили:

— Бери. Сегодня наша Пасха. Сегодня радость, счастье у насъ. Бери, язычникъ, и отправляйся съ миромъ. Можешь донести на насъ, пускай врываясь къ намъ вапа стража! Пускай оковы на рукахъ у насъ звенять! Пускай пытаются насъ. Пускай терзаютъ звѣри. Пускай мы всѣ погибнемъ на кострѣ, но Богъ нашъ живъ, но наша вѣра съ нами! Иди, скажи своимъ, что въ эту ночь Христосъ, нашъ Богъ, воскресъ изъ мертвыхъ!

— Я все сказалъ. Теперь прощайте, моя душа стремится туда, къ нимъ. Я ихъ люблю, они мнѣ стали братья. Я хочу вѣрить, какъ они, я жажду узнать ихъ Бога. Я не могу быть больше вашимъ, ищите меня тамъ...

И юноша исчезъ.

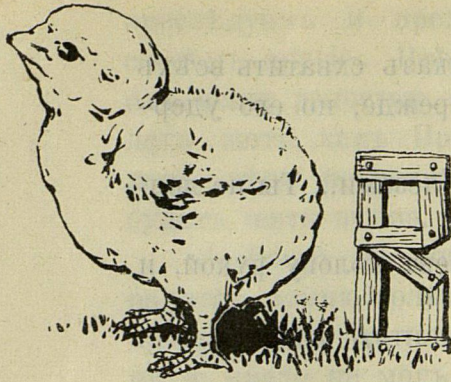
Царь вскочилъ въ гнѣвъ. Хотѣлъ отдать приказъ схватить всѣхъ христіанъ и съ ними поступить суровѣе, чѣмъ прежде, но его удержалъ царевичъ.

— Отецъ, я живъ! Я живъ ихъ вѣрой, ихъ слезами... Ты не долженъ забывать этого.

Царь молча склонился на ложе сына, подперевъ голову рукой, и глубоко задумался..

Н. Санжаръ.

СВѢТИКЪ.

Ъ ЭТОМЪ году Пасха была поздняя, а онъ былъ очень ранній и явился на свѣтъ за три недѣли до Свѣтлаго Праздника. Проклюнулъ яйцо, ступилъ желтенькой въ рубчикахъ ножкой на сѣно, переступилъ другой ногой и оставилъ за собою двѣ чистенькія, просвѣчивавшія скорлупки. Онъ не помнилъ, какъ выскочилъ изъ плетушки на полъ, какъ попалъ во дворъ, помнилъ только, какъ ударилъ яркій свѣтъ въ глаза, а кругомъ солнечно, необъятно, и его первый младенческій пискъ былъ пискомъ восторга. Возлѣ него, со всѣхъ сторонъ, копошились и перебѣгали, сѣменя ножками, такіе же, какъ онъ, кругленькіе и пушистые, его старшіе братья и сестры. Ихъ было много, онъ былъ послѣднимъ, тринадцатымъ.

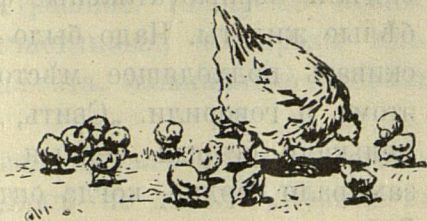
На него любовно смотрѣли два блестящихъ золотистыхъ глаза его матери. Она наклонила голову немного на бокъ и на головѣ вздрогнулъ красный зубчатый гребешокъ. Насѣдка была довольна всѣмъ выводкомъ вообще, а этотъ, тринадцатый, былъ, кажется, лучше всѣхъ.

Она назвала его Свѣтикомъ.

Скоро пришла толстая птичница въ подоткнутой юбкѣ. Она несла, обхвативъ рукой, деревянную чашку съ крошенымъ крутымъ желткомъ для цыплятъ. Это былъ первый завтракъ Свѣтика, но матери не пришлось его долго учить. Она клюнула и взглянула на него. Онъ тоже клюнулъ, и ученье было окончено.

Хорошо жилось первое время на птичьемъ дворѣ.

Весело было бѣгать, быстро перебирая лапками, за матерью, которая медленно бродила по всѣмъ направленіямъ, разгребала землю то одной, то другой ногой и звала дѣтей, какъ только находила что-нибудь вкусное. Уютно было засыпать, забравшись подъ материнскія крылья. Она широко разставляла ихъ, чтобы всѣ цыплята могли умѣститься, но ихъ было много, они съ пискомъ тѣснили и давили другъ друга и отовсюду изъ-подъ крыльевъ насѣдки торчали клювики и круглые задочки.

На птичьемъ дворѣ, кромѣ куръ, индюшекъ, утокъ и гусей, часто появлялись и другія птицы.

Свѣтика они очень интересовали тѣмъ, что умѣли летать. Онъ даже разъ втихомолку попробовалъ полетѣть самъ, разбѣжался, подпрыгнулъ и растопырилъ зародыши маленькихъ круглыхъ крыльевъ, но ничего не вышло, и онъ былъ очень радъ, что никто не замѣтилъ его странныхъ движеній.

Птицъ съ каждымъ днемъ появлялось все больше и больше. Многія изъ нихъ оказались знакомыми насѣдкѣ. Онѣ здоровались съ нею, спрашивали о прошлогоднихъ дѣтяхъ, соболѣзновали, узнавъ, что они все почти были зарѣзаны, зажарены и съѣдены людьми, говорили, что насѣдка должна искать утѣшеніе въ новыхъ дѣтяхъ, которыя вышли такими удачными, а она спрашивала, хорошо-ли имъ жилось за границей и благополучно-ли онѣ путешествовали.

Ласточки, мужъ и жена, были очень озабочены. На нихъ красиво сидѣли черные атласные фраки съ длинными острыми фалдочками и бѣлые жилеты. Надо было почиститься съ дороги и сейчасъ же разыскивать подходящее мѣсто для гнѣзда. Между собой они только объ этомъ и говорили. „Свить, слѣпить, свить“... — звенѣло въ воздухѣ, и мелькали острыя черныя фалдочки. А у Свѣтика сладко и тоскливо замирало сердце, когда онъ слѣдилъ за ихъ полетомъ. Онъ приунылъ. Все эти птицы, большія и маленькія, прилетали издалека, онѣ такъ много видѣли, такъ много знали, такъ интересно рассказывали о далекихъ краяхъ. Онѣ были свободны и многія изъ нихъ съ плохо скрываемымъ презрѣніемъ относились къ птичьему двору и его обитателямъ.

— Все съ дѣтьми возитесь, все о пропитаніи заботитесь, — говорила тоненькая, изящная вертихвосточка, вся въ сѣромъ, покачивая длиннымъ узенькимъ хвостомъ. — Да, впрочемъ, что же вамъ и дѣлать: летать вы не умѣете...

— Отчего мы не умѣемъ летать, мама? — спросилъ Свѣтикъ.

— Богъ не далъ,—отвѣчала мать.

— Но, вѣдь, мы тоже птицы?—настаивалъ цыпленокъ, заглядывая въ золотистые глаза матери своими блестящими, какъ черныя ягодки, глазами.

— Не знаю... Ты слышалъ, какъ сегодня утромъ птичница сказала судомойкѣ: „извѣстно, курица не птица“.

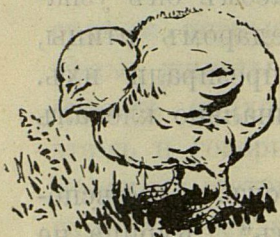
Свѣтикъ былъ подавленъ и замолчалъ. Начало его жизни было такъ радостно, но съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ онъ узнавалъ что-нибудь непріятное, тяжелое, страшное. Недаромъ птицы, настоящія птицы, свободныя, гордыя, счастливыя, презирали ихъ. Тоскливо бродилъ онъ по двору, безъ аппетита, машинально клевалъ то, что давала ему мать.

— Несчастные мы, жалкіе, презрѣнные,—думалъ онъ, и все вспоминались ему ужасныя обидныя слова: „Богъ не далъ“. „Курица не птица“.— „Да что же вамъ и дѣлать: летать вы не умѣете“...—Пускай, зарѣжутъ, зажарятъ, съѣдятъ,—думалъ онъ.—Лучше умереть въ дѣтствѣ, чѣмъ жить до старости въ скукѣ, однообразіи, никѣмъ нелюбимымъ.—

Настала Пасха. День стоялъ лазурный и золотой.—„Христось Воскресъ“!—пѣли и щебетали вольныя птицы, залетая съ визитомъ на птичій дворъ. Птичница принесла кормъ, нарядная и улыбающаяся. Свѣтику стало особенно тоскливо. Всеобщая радость, къ которой онъ не могъ присоединиться, дѣлала невыносимо острой и ѣдкой его печаль.

Незамѣтно отбился онъ отъ своихъ, забрался въ уголъ двора, къ дощатому забору, черезъ который изъ сосѣдняго сада перегибались черныя узловатые акаціи, покрытыя молодой зеленью и бутонами желтыхъ цвѣтовъ, и весь отдался своему безысходному горю, уткнувъ клювикъ въ ярко-зеленую травку.

— Что съ тобой, милый маленькій цыпленокъ? — услышалъ онъ надъ собою незнакомый ласковый и звонкій голосъ. Свѣтикъ открылъ глаза и поднялъ голову. Надъ нимъ висѣла въ воздухѣ, дрожа крыльями, небольшая сѣрая птица.

— Ты тоскуешь въ такой свѣтлый день, въ такой Великій Праздникъ? Отчего? — спросила птица и плавнымъ движеніемъ спустилась ниже. Отъ ея голоса точно теплое золото пролилось въ больное сердце Свѣтика.

— Я такъ несчастливъ, мнѣ такъ тяжело, — слабо пискнулъ онъ. — Всѣ радуются, а мы — презрѣнные, неумѣющіе летать... курица не птица... насъ презираютъ свободныя гордыя птицы, насъ позабылъ самъ Богъ... — Онъ замолчалъ, растопыривъ маленькія крылышки, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Бѣдный, милый маленькій цыпленокъ, — прозвенѣлъ золотой голосъ сѣрой птицы, — дай, я угѣшу тебя. Ты ошибаешься, я самъ мало знаю, но я чувствую, что твоя печаль напрасна, я вѣрю, что Богъ тебя любитъ, и ты долженъ вѣрить въ это; не мнѣ обманывать тебя. Я

взлетаю высоко, я всегда рвусь къ небу, меня тянетъ все выше и выше, туда, гдѣ яркій бѣлый воздухъ, какъ острый алмазь, рѣжетъ грудь и нестерпимо сверкаетъ солнце, но на землѣ моя подруга, моя любовь. Она зоветъ, она ждетъ меня, и я лечу назадъ, ныряю съ выоты и все пою, пою, чтобы не забыть того, что видѣлъ и чувствовалъ, чтобы рассказать моей подругѣ, моей земной любви, о небесахъ... Другія птицы летаютъ дальше меня, онѣ знаютъ больше, онѣ тебѣ все скажутъ, все объяснятъ. Пойдемъ, пойдемъ къ нимъ. Слышишь, какъ онѣ поютъ, щебечутъ и кричатъ, ихъ много собралось для праздника. Идемъ же къ нимъ, я не оставлю тебя здѣсь одного.

И жаворонокъ полетѣлъ впередъ, а Свѣтикъ поплелся за нимъ, и въ его маленькомъ цыплячемъ сердцѣ брезжила надежда.

Правда, птицъ слетѣлось очень много. Воздухъ дрожалъ отъ свиста, писка и щебетанья. Такъ и мелькали черныя, бѣлыя, сѣрыя и пестрыя крылья.

— Что такое? Что произошло?—закричали птицы, увидавъ жаворонка и Свѣтика. — Что случилось съ маленькимъ взъерошеннымъ цыпленкомъ?

Въ первый разъ въ жизни Свѣтикъ почувствовалъ себя предметомъ всеобщаго вниманія. Онъ былъ такъ взволнованъ и смущенъ, что почти не слышалъ, какъ жаворонокъ передалъ птицамъ ихъ разговоръ. Онъ очнулся только отъ поднявшагося вокругъ шума. Нѣсколько птицъ кричало разомъ, такъ что трудно было понять; Свѣтикъ понималъ только, что кричали про него, о немъ, и безъ всякаго презрѣнія. Къ

нему слетѣлъ съ дерева черный дроздь и запѣлъ, поводя желтымъ носомъ:

— Ты слишкомъ скромнѣн, дитя, и печаль твоя напрасна. Знаешь ли ты, чье изображеніе видалъ я часто высоко въ воздухѣ, когда жилъ за-границей и мнѣ случалось пролетать надъ городами? Высоко въ воздухѣ на шпицахъ церквей и колоколенъ видалъ я изображеніе одного изъ твоихъ предковъ, да, изображеніе пѣтуха, маленькій цыпленокъ. Пѣніе пѣтуха—крикъ пробудившейся совѣсти, зовущей человѣка къ Богу. Въ величайшей книгѣ міра, двѣнадцать главъ которой читали по веѣмъ церквамъ въ прошлый четвергъ, разсказано о томъ, какъ отрекся одинъ изъ любимыхъ учениковъ отъ Христа и какъ крикъ пѣтуха разбудилъ его совѣсть. „И вдругъ запѣлъ пѣтухъ, и вспомнилъ Петръ слово, сказанное ему Иисусомъ... И, вышедъ вонъ, плакалъ горько“.

Не успѣлъ докончить черный дроздь, какъ къ собранію принесся стрижь. Онъ скользнулъ по воздуху своимъ длиннымъ тѣломъ и острымъ раздвоеннымъ хвостомъ, будто скатился на лыжахъ съ ледяной горы.

— Что такое? — зазвенѣлъ онъ. — Что это за маленькое существо посреди васъ и за что его судятъ? Ахъ, да это, кажется, тотъ самый желтенькій франтъ?.. Ну, да, я видѣлъ вчера его портреты...

— Портреты? Его портреты? Какіе, гдѣ? — закричали наперерывъ все птицы, и вертихвосточка еще чаще и сильнѣе обыкновеннаго качала длиннымъ узенькимъ хвостомъ.

— Сейчас объясню, — отвѣчалъ стрижь. — Вчера, какъ обыкновенно передъ ясной погодой, леталъ я, скользя надъ крышами города. По улицамъ двигалось множество людей. Они останавливались передъ большими зеркальными окнами и разглядывали... ну, да, портреты вотъ этого желтенькаго пушистаго цыпленка. Ну, и въ почетѣ же ты у людей, малютка!

— Такъ это тобою любовались дѣти, сплющивая свои маленькіе носы на стеклѣ и подталкивая другъ друга? — проворковалъ съ высоты бѣлый голубь. Послышался шелковистый свистъ и шорохъ крыльевъ въ воздухѣ, и онъ слетѣлъ на землю, въ томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ радостный и смущенный Свѣтикъ, окруженный своими братьями и сестрами.

— Сегодня Величайшій въ мірѣ Праздникъ, — продолжалъ ворковать голубь, — и твое чудесное появленіе изъ яйца, маленькій цыпленокъ, люди избрали эмблемой этого праздника, это значитъ, что изображая тебя, они передаютъ другъ другу мысль о воскресеніи изъ мертвыхъ. Рядомъ съ твоимъ изображеніемъ они поставили два самыя великія и радостныя слова: „Христосъ Воскресе“! Ты счастливѣйшій изъ насъ и мы все должны поклониться тебѣ. —

И голубь первый сталъ ходить вокругъ Свѣтика, кланяясь и воркуя:

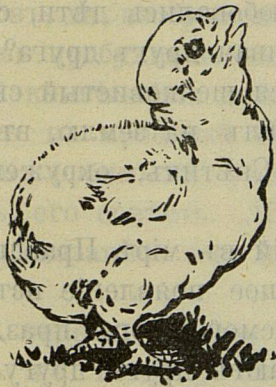
— Христосъ Воскресе, Христосъ Воскресе!

И все птицы запѣли, защебетали и закричали:

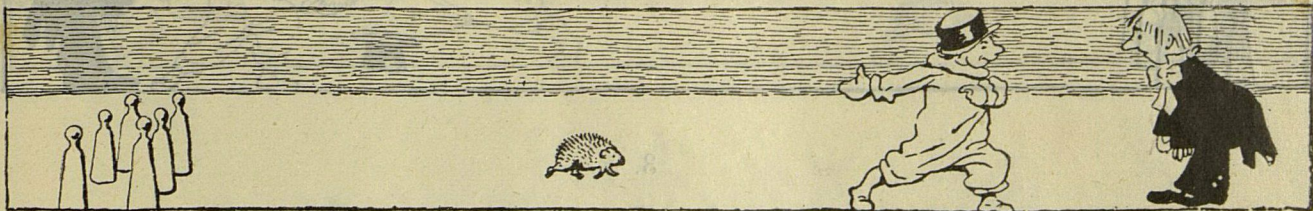
— Христосъ, Христосъ Воскресе!

— Воистину Воскресъ!—пискнулъ изо всѣхъ силъ Свѣтикъ, чувствуя, какъ огромная свѣтлая радость затопляетъ золотыми волнами и его, и всѣхъ птицъ, и землю, и небо, и весь міръ.

Allegro.

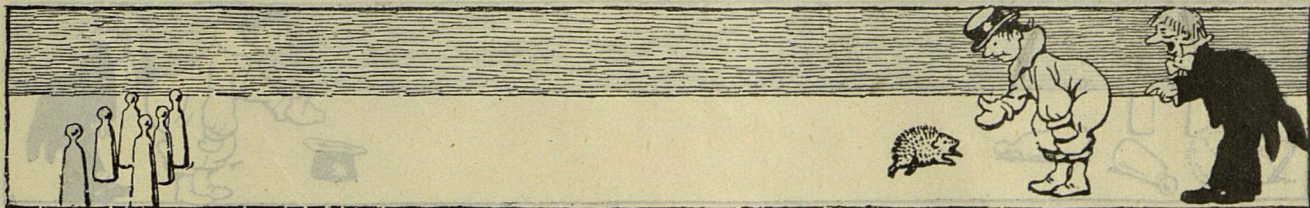

Ежикъ или удивительная игра въ кегли.

1.

— Сыграемъ въ кегли, хочешь?—Да,
Но нѣтъ здѣсь шара—вотъ бѣда.

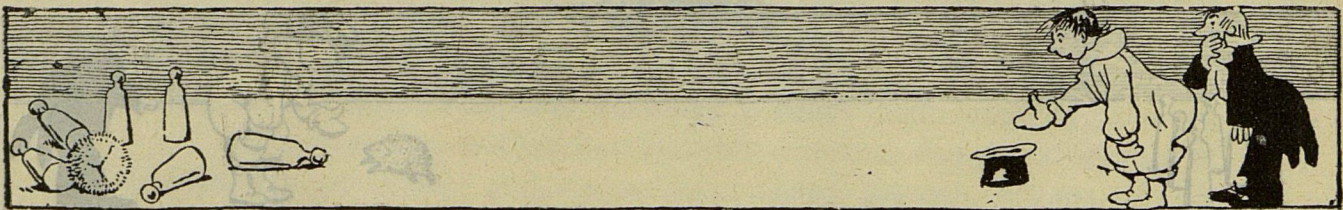
2.

— Нѣтъ шара, правда... Ну, такъ что жъ,
Замѣнитъ шаръ намъ этотъ ежъ.

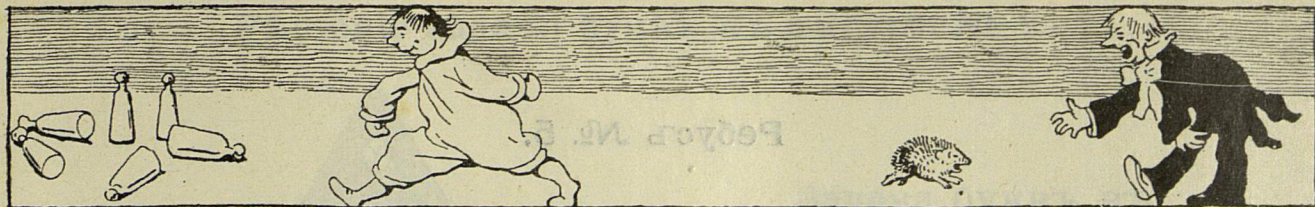
3.

Вотъ я беру его, смотри,

4.

И начинаю: разъ, два, тр-ри!...

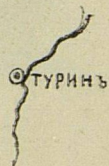

5.

Теперь я кегли подберу,
И можно продолжать игру.
Ты не трудись: хоть твой чередъ,
Но шаръ, вѣдь, самъ къ тебѣ идетъ.

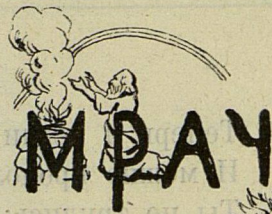
Амъ.

Ребусъ №. 5.

С Т И

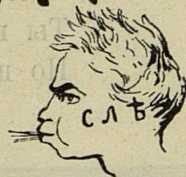
Ж И З Н И

Л с о и и

а с а

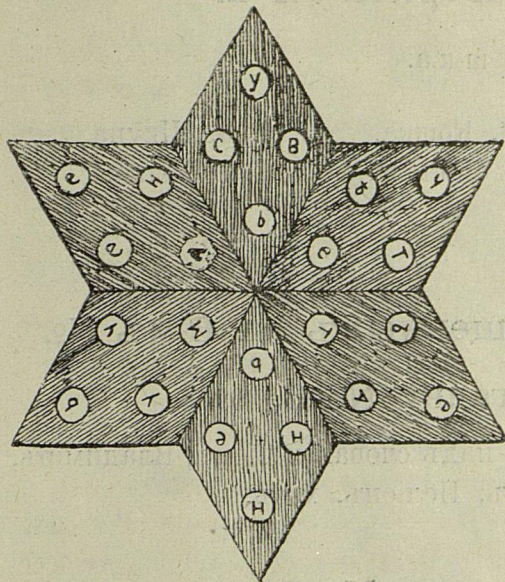
Я С
—
Я

И У

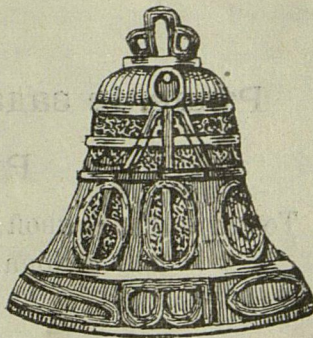

Рѣшеніе задачи буквъ въ фигурѣ № 1.

Въ этой звѣздѣ заключены буквы,
составляющія пословицу: Ученье
свѣтъ, а неученье тьма.

Задача буквъ въ
фигурѣ № 2.

Надо отыскать въ этомъ
колоколѣ буквы, составляю-
щія имя одного изъ двѣ-
надцати апостоловъ.

Рѣшеніе ариѣмогрифа № 2.

Волнушка.

1. Каша.	4. Волна.	7. Кошка.	9. Шкуна.
2. Лука.	5. Окошко.	8. Калоша.	10. Ушко.
3. Ноша.	6. Луна.		

Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ въ 6-мъ №.

Рѣшеніе загадки № 8.

Точка надъ буквой і. Она стоитъ надъ словами: Сіонъ, Владиміръ, Іона, Сергій, Іоаннъ, Пеліонъ, міръ.

Рѣшеніе Шарады № 8.

Ермакъ.

Отъ конторы редакціи.

1. Рукописи, присылаемые въ редакцію, должны быть четко написаны и снабжены подробнымъ адресомъ автора. Принятые рукописи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются.

2. Лица, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, прилагаютъ 7-ми копѣчную марку для отвѣта.

3. Гг. подписчики, живущие въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначаютъ почтовое мѣсто, куда журналъ долженъ быть адресованъ. Ответственность за исправную доставку журнала съ почтовыхъ мѣстъ почтальтъ на себя не принимаетъ.

4. Заявленія о неполученіи номера адресуются непосредственно въ редакцію и не позже полученія слѣдующаго №.

5. Заявленія о перемѣнѣ адреса посылаются непосредственно въ редакцію, при чемъ необходимо указать и старый адресъ. При перемѣнѣ петербургскаго адреса на петербургскій или иногороднаго на иногородный уплачивается 20 коп., а при перемѣнѣ петербургскаго на иногородный или иногороднаго на петербургскій уплачивается 40 к.

Редакція открыта для личныхъ переговоровъ по субботамъ отъ 2-хъ до 4-хъ часовъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1906 ГОДЪ
на иллюстрированный дѣтскій журналъ

„ТРОПИКА“

ВЫХОДИТЬ 1 и 15 КАЖДАГО МѢСЯЦА КНИЖКАМИ ВЪ 2—3 ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТА И
ПРЕДНАЗНАЧАЕТСЯ ДЛЯ ДѢТЕЙ СРЕДНЯГО ВОЗРАСТА.

Въ журналѣ будутъ помѣщаться повѣсти, рассказы, стихи, театральныя пьесы,
статьи научно-образовательнаго характера, ребусы, шарады и загадки.

Въ журналѣ принимаютъ участіе: *Allegro*, М. С. Безобразова, З. Венерова,
пр.-доц. А. Генкель, Т. Гитиусъ, К. Ельцова, Е. Кавосъ-Зарудная, А. Коваленская,
проф. Н. Котляревскій, А. Курпинъ, К. Лукашевичъ, Д. Маминъ-Сибирякъ,
Н. Манасеина, М. Н. Маршмесъ, Д. Мережковскій, Л. Немидова, Э. Пименова,
А. Ремизовъ, проф. М. Ростовцевъ, В. Успенскій, О. Химона, О. Чюмина и мн. др.

Цѣль и задачи журнала—развивать въ дѣтяхъ художественное чутье,
давать имъ занимательное и полезное чтеніе, включающее религіозный
и сказочный элементъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ пересылкой и доставкой 3 рубля, на
полгода 2 руб.

Подписка принимается въ конторѣ журнала и во всѣхъ
извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ; отдѣленіе конторы въ
Москвѣ при конг. Печковской, Петровск. лин.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ: С.-Петербургъ, Площадь Мариинскаго
Театра, 6.

Редакторы-издатели П. Соловьева и Н. Манасеина.